

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: С. В. ГРИШАЧЕВ (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ), Е. М. ДЬЯКОНОВА,
В. О. КИСТАНОВ, И. П. ЛЕБЕДЕВА, А. Н. МЕЩЕРЯКОВ, А. Н. ПАНОВ,
С. В. ЧУГРОВ.

*Издание осуществляется при поддержке
Японского фонда и компании «Мицубиси электрик»*

Я 70 Япония 2013. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2013. – 412 с.

В настоящем выпуске ежегодника Япония исследуется широкий круг проблем современной Японии. Упор сделан на события во внутривнутриполитической жизни, связанные с выборами в палату советников и новым курсом правительства по стимулированию национальной экономики, запущенным в 2013 году. Особое место в ежегоднике занимает исследование японской корпоративной этики, а также экономических аспектов японского качества. Рассматриваются различные аспекты японской истории, культуры и искусства.

Издание выходит с 1972 года

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 978-5-91022-199-8

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2013.
«Association of Japanologists», 2013.
© «АИРО–XXI», 2013, оформление.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Выборы в палату советников 2013 года: некоторые итоги и размышления

Д. В. Стрельцов

В статье анализируются итоги выборов в верхнюю палату японского парламента, состоявшиеся 21 июля 2013 года. Подчеркивается, что основной причиной победы Либерально-демократической партии явилась не ее поддержка избирателями, а фактор разобщенности оппозиции. В работе подробно рассматриваются основные сценарии дальнейшего развития партийно-политической системы Японии, включая путь формирования классической двухпартийной системы и путь коалиционного правления с пестрым составом участников.

Ключевые слова: выборы, палата советников, Либерально-демократическая партия, электоральная поддержка, абсентеизм, двухпартийная система, коалиционное правление, малые партии.

Вся первая половина 2013 года была ознаменована подготовкой к выборам в верхнюю палату японского парламента. После сокрушительной победы Либерально-демократической партии на декабрьских выборах 2012 г. перед правящей партией продолжала стоять проблема отсутствия большинства в палате советников, которая по конституции имеет такие же полномочия в вопросах законотворчества, что и нижняя. На предстоящих выборах партия ставила перед собой задачу получить стабильное большинство, покончив тем самым с ситуацией «перекрученного парламента». Программа-максимум заключалась в том, чтобы получить квалифицированное большинство в две трети, которое позволило бы ЛДП провести давно замышляемую конституционную реформу. В свою очередь, оппозиция, понимая, что электоральные настроения складываются не в ее пользу, стремилась реабилитироваться в глазах избирателей за прошлогоднее поражение, сохранив в верхней палате достаточно сильные позиции, чтобы не допустить полной свободы рук правительства либерал-демократов.

Накануне выборов

С самого начала было ясно, что исход выборов будет зависеть от того, сможет ли новый кабинет министров во главе с Абэ Синдзо, сформированный коалицией ЛДП и Комэйто, справиться с кризисной ситуацией в экономике, из которой Япония не может выбраться уже

два с лишним десятилетия. Главной темой в повестке дня выборов ожидаемо стали вопросы социально-экономической политики нового правительства. Согласно опросу общественного мнения, проведенного телерадиовещательной корпорацией NHK перед началом избирательной кампании, более всего японцев тревожила проблема экономического восстановления регионов, пострадавших от природно-техногенной катастрофы 11 марта (82% опрошенных), далее следовали экономическая политика правительства (80%), политика в сфере социального обеспечения (77%), энергетическая политика, включая вопросы атомной энергетики (70%), наконец, оздоровление государственных финансов (69%)¹. В свою очередь, проблемы внешней политики и военной безопасности были сочтены японскими избирателями не столь существенными.

Основные политические партии страны по-разному строили свою предвыборную кампанию. Либерал-демократы сделали упор на успехи «Абэномики» – экономического курса правительства по активному стимулированию экономики за счет массированных государственных инвестиций в инфраструктуру, активному наращиванию денежной массы в обращении в качестве средства борьбы с дефляцией, искусственному поддержанию низких ставок банковского кредитования и т. д.

Действительно, за первые полгода пребывания кабинета Абэ у власти в стране наблюдался умеренный экономический рост (чуть менее 4% годовых), произошел приток зарубежных инвестиций, а иена, завышенный курс которой тормозил развитие экспортных отраслей, заметно понизилась к доллару США. Фондовый рынок вырос почти на 40%. ЛДП делала ставку на то, что после длительного периода экономической стагнации многие избиратели проголосуют за ЛДП, поверив в экономическую политику правительства. Чтобы продемонстрировать серьезность намерения продолжать начатый курс, кабинет Абэ опубликовал в июне 2013 г. экономическую программу, в которой были зафиксированы конкретные количественные ориентиры на ближне- и среднесрочную перспективу: наращивание в течение трех лет корпоративных инвестиций до 70 трлн. иен в год, увеличение к 2017 фин. г. числа мест в детских дошкольных учреждениях до 400 тыс., наращивание экспорта продукции сельского, лесного хозяйства и рыболовного промысла до 1 трлн. иен в 2020 г. и т. д.²

Вместе с тем многие свои программные установки либерал-демократам под давлением общественного мнения пришлось скорректировать накануне выборов. Из предвыборной программы было удалено положение о безоговорочной поддержке участия Японии в Транстихо-

океанском партнерстве (ТТП) – против выступили влиятельные структуры, защищающие интересы фермеров, фармацевтические, медицинские компании и ряд профсоюзов. Вместо этого в программу был внесен тезис о том, что Японии следует «защищать то, что следует защищать, и добиваться того, чего следует добиваться, в соответствии с национальными интересами». В специальном приложении к программе говорилось, что правительство «не колеблясь, выйдет из переговорного процесса» по участию в ТТП, если в отношении определенных видов сельхозпродукции (пшеницы, риса и др.) будет применяться режим полной либерализации.

Более умеренной стала накануне выборов позиция ЛДП и в отношении конституционной реформы. В предвыборной программе указывалось на необходимость «ослабления ограничений, касающихся инициирования парламентом процесса внесения поправок». В платформе особо подчеркивалась необходимость того, чтобы «народ, являющийся носителем суверенитета, имел возможность участвовать в процессе принятия поправок в конституцию путем своего участия в референдуме»³. Обращает на себя внимание тот факт, что ЛДП в конечном счете отказалась от тезиса о необходимости ревизии статьи 96, в которой определяется усложненный порядок внесения поправок в Основной закон. Позицию ЛДП многие объясняли ее зависимостью от партнера по коалиции партии Комэйто, которая занимала крайне осторожную позицию по вопросу о конституционной реформе. В частности, в своей предвыборной программе Комэйто, продолжая решительно выступать против ревизии ст. 9, включила положение о необходимости «добавления новых элементов» в Конституцию: относительно права граждан на чистую окружающую среду, расширения пределов местной автономии, существования «сил самообороны», а также детального указания на необходимость внесения вклада в международное сообщество⁴.

Крайнюю сдержанность проявила ЛДП в своей программе по вопросу о налоговой реформе. В 2012 г. правительство Демократической партии Японии (ДПЯ), опираясь на трехстороннее соглашение с ЛДП и Комэйто, провело через парламент закон, в соответствии с которым правительство имеет право повысить ставку потребительского налога до 8% с 2014 г. и до 10% с 2015 г. Однако в условиях негативного отношения избирателей к повышению налоговых ставок ЛДП предпочла вопрос о налоговой реформе в своей предвыборной программе вообще не поднимать.

По вопросу о будущем атомной энергетики предвыборная позиция ЛДП напрямую шла вразрез с общественным мнением. Согласно данным опросов, опубликованным накануне выборов, лишь менее трети

¹ <http://www3.nhk.or.jp/news/html/20130701/k10015720961000.html>. Допускалось несколько вариантов ответов.

² Асахи симбун. 22.06.2013.

³ Йомиури симбун 21.06.2013.

⁴ Йомиури симбун 25.07.2013.

респондентов поддерживали курс на возобновление работы реакторов, тогда как большинство (53%) выступало против⁵. В этих условиях не только левые силы страны, однозначно выступившие с требованием ясного отказа от любых планов развития атомной энергетики, но даже партия Комэйто высказалась за полный отказ в перспективе от АЭС. Тем не менее, ЛДП, опираясь на поддержку со стороны бизнес-сообщества, а также глав ряда местных органов власти, бюджет которых находится в зависимости от целевых государственных дотаций, обозначила в своей программе курс на возобновление работы атомных блоков, выведенных из эксплуатации после аварии.

Что касается оппозиции, она встретила выборы в состоянии «разброда и шатания». С самого начала было ясно, что ни в одном из тридцати одного одномандатных округов оппозиционные партии не смогут составить реальной конкуренции ЛДП. Поэтому речь могла пойти только о том, чтобы попытаться завоевать второе и последующие места в многомандатных округах наиболее населенных префектур – Токио, Осака, Канагава, Тиба и др.

Крупнейшая из оппозиционных сил, Демократическая партия Японии, пришла к выборам, еще не оправившись от сокрушительного поражения на декабрьских выборах прошлого года. Проблему для партии составляла невысокая популярность ее лидера Банри Каиэда, а также отсутствие консолидированной позиции в партийных рядах по многим животрепещущим вопросам политической повестки дня. ДПЯ по-прежнему оставалась рыхлым конгломератом нескольких внутрипартийных групп, имеющих разную «родословную» и временами демонстрирующих диаметрально противоположные взгляды по важным вопросам политической повестки дня (членство Японии в ТТП, вопросы социально-экономической политики, налоговой реформы, внешней политики и безопасности и т. д.).

К тому же, памятуя о сокрушительном поражении на последних выборах в нижнюю палату, в ходе которых избиратели припомнили демократам невыполненные предвыборные обещания, на этот раз ДПЯ предпочла вообще не указывать в своей программе никаких цифровых ориентиров, ограничившись абстрактными декларациями. Главный упор был сделан на социальную сферу – благосостояние граждан, гендерное равенство, помощь семьям с детьми, развитие сферы образования. Однако отсутствие конкретики в программе и невыразительность персонального начала в партийном облике стали фактором отторжения от ДПЯ многих ее потенциальных избирателей. Даже в отношении будущего атомной энергетики ДПЯ не высказала однозначной позиции – судя по всему, внутри партии так и не пришли на этот счет к единому мнению. Поэтому цель ДПЯ заключалась в том, чтобы не допустить

слишком резкого падения уровня своего представительства в парламенте, подобно тому, как это произошло в конце 2012 г.

В еще более сложном положении оказалось Общество реставрации Японии, на которое многие возлагали надежду как на потенциальный костяк «третьего полюса». После прозвучавших в июне 2013 г. высказываний ее лидера Т. Хасимото, фактически оправдавшего сексуальную эксплуатацию корейцев японскими военнослужащими в период Второй мировой войны, партия утратила свою популярность, резко сдав набранные в прошлом году позиции. Проблему для Общества составило и то, что после объединения с партией правонационалистического политика С. Исихара партия резко поправила в своих идеологических установках, что оттолкнуло от нее многих потенциальных избирателей, придерживающихся левоцентристских взглядов.

В целом многие обращали внимание на то, что в преддверии выборов на политической арене произошло явное поправление всей политической арены страны. Активнее стали проявлять себя националисты, голос которых стал заметнее как в правящей ЛДП, так и в партиях оппозиции, особенно в Обществе реставрации. В то же время ДПЯ так и не смогла найти подходящую для себя идеологическую нишу и раскрутить бренд партии социал-демократического типа, предпочитая ограничиваться аморфными декларациями без какого-либо идейного подтекста.

Генеральной репетицией выборов в палату советников были выборы в законодательное собрание токийской муниципии, состоявшиеся в июне. Их итоги давали представление о реальной расстановке сил на политической арене страны. Как и следовало ожидать, победу одержала ЛДП. Однако ДПЯ неожиданным образом оказалась на четвертом месте, пропустив перед собой не только Комэйто, но и коммунистов. Это был тревожный сигнал: демократы должны были быть готовы к серьезному испытанию.

Итоги выборов

Выборы в палату советников японского парламента состоялись 21 июля 2013 г. На 121 место т. е. ровно половину списочного состава переизбираемой раз в три года палаты советников претендовало 433 кандидата от почти десятка политических партий. Выборы ожидаемо принесли победу правящей Либерально-демократической партии, которая завоевала в общей сложности 65 мандатов. В результате правящая коалиция, включающая ЛДП и партию Комэйто, получила в верхней палате уверенное большинство – 135 мест из 242.

ЛДП получила почти все места (29 из 31) в одномандатных округах, где оппозиция так и не смогла составить ей реальную конкуренцию. Заметное усиление ЛДП произошло и в округе пропорционального представительства, где партии удалось получить 18 мест. Таким образом, главная цель, которую преследовала ЛДП, была достигнута: все

⁵ <http://www.observingjapan.com/2013/07/public-support-for-abenomics-cools.html>

законодательные инициативы правительства гарантированно получали поддержку в обеих палатах парламента, что формально позволяло правящей партии игнорировать мнение оппозиции. Это означает, что с ситуацией «перекрученного парламента», при которой две его палаты контролировали противостоящие друг другу политические силы, было покончено минимум на ближайшие три года.

Однако программа-максимум, которой добивалась ЛДП – обеспечить себе в верхней палате квалифицированное большинство – оказалась не выполненной. В результате ЛДП не сможет провести через верхнюю палату поправки в конституцию, даже заручившись поддержкой партий, занимающих по вопросу о конституционной реформе сходную с ЛДП позицию – Партии всех и Общества реставрации. Свою роль, очевидно, будет играть то обстоятельство, что ЛДП не сможет открыто идти против своего партнера по коалиции – партии Комэйто, электорат которой послушно голосует за кандидатов ЛДП в тех округах, где у Комэйто отсутствуют шансы на избрание.

Как и следовало ожидать, не удалось избежать сильного поражения Демократической партии Японии. Плачевные результаты выборов, в ходе которых партия получила 17 мест, не явились ни для кого сюрпризом. Даже в округе пропорционального представительства (ОПП), где позиции ДПЯ традиционно были сильны, демократы получили лишь 7 мест – наихудший показатель с момента образования партии в 1998 г. В ОПП ДПЯ удалось набрать чуть более 7 млн. голосов (13,4% от общего числа проголосовавших) – даже меньше, чем Комэйто (более 7,5 млн. голосов, или 14,2%). Тем не менее, с учетом мандатов, набранных на выборах 2010 года, ДПЯ сохранила в верхней палате вторую после ЛДП фракцию в 59 мест, оставаясь крупнейшей оппозиционной партией.

Обращал на себя внимание явный неуспех партий «третьего полюса». Крайне неудачно выступило на выборах Общество реставрации, которое впервые участвовало в гонке на выборах в палату советников. Общество поддержали лишь 11,9% избирателей, что обеспечило ему в верхней палате 8 мест. Откровенно плохо выступила и другая партия «третьего полюса» – Партия всех. В противоположность многим оптимистическим прогнозам, партия набрала лишь 4,75 млн. голосов (8,9% мест). Что касается КПЯ, то полученные ей на выборах 8 мест (всего в палате с учетом имеющихся мест у нее стало 11 мандатов), наоборот, можно назвать триумфом: впервые после долгого перерыва партия получила право законодательной инициативы в верхней палате.

Следует выделить несколько причин победы ЛДП. Во-первых, свою роль сыграл эффект ожиданий. «Абэномика» пока еще не успела утратить потенциала привлекательности как действенный рецепт по выводу экономики из кризиса.

Во-вторых, за несколько лет калейдоскопичной смены кабинетов в обществе накопилось раздражение от перманентной ситуации политического

кризиса, создаваемого ситуацией «перекрученного парламента». В ходе одного из опросов накануне выборов около 65% респондентов из числа лиц, принявших решение голосовать за ЛДП, заявили о том, что партии правящего блока должны иметь большинство и в верхней палате⁶.

В-третьих, свою роль сыграл и фактор разобщенности оппозиции. ДПЯ так и не смогла восстановить доверие общества. Во многих округах партия даже не озаботилась выдвижением кандидатов в тех округах, где срок полномочий действующих депутатов от ДПЯ истек. Негативный образ ДПЯ был настолько силен, что некоторые депутаты палаты советников, избранные шесть лет назад от ДПЯ, предпочли выступить на этот раз в качестве независимых кандидатов, демонстративно дистанцируясь от партии. Даже бывший председатель ДПЯ Н. Кан, не так давно возглавлявший правительство страны, отказался поддерживать в токийском округе официально номинированную партией кандидатуру и предпочел открыто поддержать независимого кандидата, отвергнутого партией. Фактически ДПЯ так и не смогла проявить себя как оппозиционная сила общенационального значения, что ударило по ее с таким трудом завоеванным позициям как второй политической партии, способной сменить ЛДП у власти.

Между партиями оппозиции почти во всех избирательных округах практически полностью отсутствовала координация при выдвижении кандидатов и проведении избирательной кампании. Даже партии «третьего полюса», которые, казалось бы, должны были договориться между собой, оказались неспособными преодолеть внутренние противоречия. Например, Партия всех отказалась налаживать электоральное сотрудничество с Обществом реставрации, дискредитировавшим себя высказываниями своего лидера.

В-четвертых, немалое воздействие на исход выборов особенности избирательной системы в палату советников⁷. В одномандатных округах, где используется мажоритарный принцип («победитель получает все»), даже небольшие изменения в уровне электоральной поддержки ведут к крупным переменам в парламентской расстановке сил. Так, уровень представительства ЛДП в верхней палате увеличился по сравнению с выборами в палату советников 2007–2010 гг. с 21 до 70%, хотя процент полученных ею голосов вырос лишь на 4% – с 43 до 47%⁸. Иными словами, ЛДП стала фактически единственным бенефициаром утраты ДПЯ доверия со стороны избирателей.

⁶ Йомиури симбун 2.07.2013

⁷ Подробнее см.: Стрельцов Д. В. Избирательная реформа в современной Японии // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 62–70.

⁸ The Brookings Institution. Falk Auditorium. Japan's Policy Agenda After the July Election: Gridlock Broken? www.brookings.edu/~media/events/2013/7/25japan/20130725_japans_policy_agenda_transcript.pdf. P. 7

По-иному обстояло дело в многомандатных префектуральных округах. Там практически все голоса, которые поддерживали ДПЯ на прошлых выборах, пошли не ЛДП, а другим оппозиционным партиям. Иными словами, протестные голоса распределились тонким слоем между несколькими партиями оппозиции, что сыграло на руку ЛДП, не встретившей сильного соперника. Это позволило либерал-демократам победить, собрав в свою пользу даже меньшее число голосов избирателей, чем это было на выборах в нижнюю палату 2009 года, когда партия потерпела оглушительное поражение.

Таким образом, ЛДП одержала победу не по причине повышения уровня поддержки в массах, а главным образом потому, что прочие оппозиционные партии практически так не смогли составить ей реальной конкуренции, по разным причинам дискредитировав себя в глазах избирателей. Главную роль сыграло разочарование в ДПЯ и отсутствие яркой альтернативы ей среди иных, кроме ЛДП, оппозиционных партий. По одному из телефонных опросов, проведенных газетой «Йомиури», почти половина избирателей, проголосовавших за ЛДП, ответили, что сделали это просто потому, что она «лучше всех прочих партий»⁹, т. е. любой иной выбор оказался бы еще хуже.

В-пятых, победе ЛДП немало способствовал еще один фактор – высокий уровень абсентеизма на выборах. Явка на этот раз составила 52,61% – это третий с конца показатель с момента введения в 1994 г. нынешней избирательной системы¹⁰. Более 10 млн. избирателей, голосовавших на прошлых выборах, предпочли в этот раз не приходить на участки, не найдя для себя в бюллетене приемлемой партии. Иными словами, многие избиратели, не желая голосовать за полностью дискредитировавшую себя ДПЯ, предпочли остаться дома, чтобы не оказывать поддержку либерал-демократам – единственной, по наиболее устоявшемуся мнению, альтернативе демократам. Свою роль сыграл и чисто психологический момент, а именно – отсутствие на выборах какой-либо интриги, недостаток «драйва». Многие сочли, что все и так заранее решено (публикуемые газетами данные опросов предсказывали безоговорочную победу ЛДП) и предпочли на этот раз остаться дома. На этом фоне бенефициарами прошедших выборов, существенно усилившими свои позиции в парламенте, стали партии, имеющие относительно организованную электоральную базу – ЛДП, Комэйто и КПЯ, избиратели которых приходят на участки в любую погоду и при любой политической конъюнктуре.

В целом, итоги выборов соответствовали прогнозам, которые давали ведущие эксперты и социологи на основе опросов общественного мнения. Не оказало большого влияния, вопреки многим первоначальным

прогнозам, и первое за всю историю выборов в Японии снятие запрета на использование Интернета в предвыборной кампании. Ожидалось, что Интернет окажет влияние на относительно молодых избирателей, использующих его в качестве своего основного источника информации. Однако лишь 8% респондентов опроса газеты «Йомиури» заявили о том, что обращались к онлайн-информации (веб-сайты и блоги партий и отдельных кандидатов), чтобы сделать осознанный выбор¹¹.

Несмотря на общую предсказуемость результатов выборов, два момента можно назвать сюрпризом. Во-первых, это провал Общества системообразующей партии в формирующейся двухпартийной системе. Теперь, когда статус спарринг-партнера ЛДП на японском политическом ринге фактически утратила не только ДПЯ, но и любая из партий «третьего полюса», все разговоры о скором формировании двухпартийной системы в Японии уходят на задний план.

Во-вторых, неожиданным можно назвать относительный успех коммунистов, получивших в свою пользу даже больше голосов, чем Партия всех, которая до этого от выборов к выборам неуклонно набирала обороты. Это обстоятельство привлекает большое внимание к КПЯ, заставляя говорить о ней как о серьезном игроке на политической арене. Однако не стоило бы придавать успеху коммунистов чересчур большого значения: эта партия, если она останется в нынешнем нерезформированном виде, в обозримом будущем едва ли сможет претендовать на место в правящей коалиции – ее по-прежнему сторонятся все политические силы страны, включая те, что представляют левый спектр.

Выступая на телевидении в связи с прошедшими выборами, С. Абэ заявил о том, что его правительство «получило сильную поддержку со стороны общественности, которая выступает за то, чтобы политика обрела способность к принятию решений, формированию стабильного правительства и продвижению экономической политики»¹².

Итоги выборов, внешне предсказуемые, трудно оценить однозначно. Тот факт, что Япония вступила в долгожданный период политической стабильности, безусловно, можно считать позитивом. После ухода кабинета Дз. Коидзуми в отставку в 2006 г. в Японии сменилось шесть премьер-министров, что дало основание некоторым экспертам говорить о появлении в Японии синдрома «премьера вращающихся дверей» – политического лидера страны, озабоченного лишь сиюминутной целью выживания возглавляемого им кабинета. Тот факт, что правительство в течение как минимум трех последующих лет будет опираться на уверенное большинство в обеих палатах, бесспорно, даст ему свободу рук и позволит принимать любые, даже не очень популярные решения.

⁹ <http://www.yomiuri.co.jp/feature/fe6100/koumoku/20130724.htm>
¹⁰ <http://www.yomiuri.co.jp/feature/fe6100/koumoku/20130724.htm>

¹¹ Йомиури симбун. 27.07.2013.
¹² Йомиури симбун. 21.07.2013.

При этом относительно длительный характер пребывания у власти одного кабинета будет иметь положительный эффект и на международные позиции Японии, которые подвергались ущербу из-за калейдоскопичной смены правительств.

Однако, карт-бланш, полученный кабинетом Абэ из рук избирателей, может сослужить ему плохую службу: в отсутствие реальных рычагов сдерживания со стороны оппозиции правительство рискует утратить обратную связь с обществом, а многие его радикальные инициативы, которые при иной ситуации оказались бы заблокированными, теперь получат зеленый свет. Между тем уже сейчас многие эксперты говорят о серьезных рисках, которые таят в себе рецепты «Абэномики» – неконтролируемая инфляция, лавинообразный рост государственного долга, крупнейшего в мире по соотношению с ВВП, рост социальных контрастов и т. д. К тому же правительство пока не определилось с тем, каким образом оно собирается решать застарелые проблемы, связанные с внедрением в экономическую сферу принципов свободной рыночной конкуренции, отказом от преференциальной поддержки корпоративных интересов отдельных компаний, дерегулированием и т. д. Во внешнеполитической сфере наибольшие опасения вызывает вопрос о том, скажется ли показной национализм Абэ на отношениях Японии с восточноазиатскими соседями.

Серьезные вызовы ждут и лично С. Абэ после выборов. Можно предположить, что премьеру будет труднее держать ЛДП под своим контролем, чем это было до выборов. Дело в том, что в ходе предвыборной кампании вокруг С. Абэ произошла определенная консолидация партийных рядов. Однако в дальнейшем, когда на горизонте не просматривается никаких крупных выборов общенационального масштаба, можно предположить, что в партии произойдет существенное усиление борьбы за власть.

Выборы продемонстрировали значимость для ЛДП фактора фракционной политики, который многие уже списали со счетов. Обращает на себя внимание то, что в ходе предвыборной кампании вновь активно проявилась роль фракции как партийных структур кадровой мобилизации. После выборов основные внутрипартийные фракции, возглавляемые Матимура, Асо, Кисида, Никай и Нукага, развернули ожесточенную конкуренцию вокруг 29 новоизбранных депутатов, которые не определились со своей фракционной принадлежностью.

Что дальше?

Приход ДПЯ к власти в 2009 г. означал своего рода политическую развилку для Японии. Перед страной открылись как минимум три возможных пути развития. Первый путь – классическая двухпартийная система (две крупные партии, сменяющие друг друга у власти). Второй

путь – возврат к практике «полупарламентаризма» правления при доминантном положении одной политической партии и активном возрождении традиций консенсусальной демократии японского типа, т. е. создание второй версии пресловутой «системы 1955 года». Третий путь – коалиционное правление с пестрым составом участников и нечетко выраженными программно-идеологическими приоритетами.

Следует отметить, что идея формирования полноценной двухпартийной системы, предполагавшая смену партий у власти в результате парламентских выборов, зрела в политической элите страны достаточно давно. Реформистское крыло ЛДП еще с начала 1990-х гг. высказывало идею о том, что продолжение монополии партии на власть влечет за собой риск политической коррупции, застоя, отказа от любых реформ и невозможности обеспечить конкурентоспособность страны в условиях быстро меняющегося мира. На службу идее двухпартийности была поставлена сама политическая реформа 1994 г., позволившая существенно повысить роль партийных брендов в политическом процессе.

Стоит отметить, что концепция регулярной смены власти не чужда была и всей политической традиции постмэйдзийского периода. На этой концепции во многом основывалась политическая модернизация эпох Тайсё и Сёва, направленная на внедрение в политическую модель элементов парламентской демократии британского типа. Один из «отцов» японского парламентаризма Одзаки Юкио писал в 1911 г., обосновывая необходимость введения двухпартийной системы: «Как только партии наберутся опыта вхождения во власть и ухода в оппозицию, они смогут в полной степени привыкнуть к двухпартийной системе и превратиться в одну из двух основных партий. Именно так должен работать конституционализм»¹³. Принципы двухпартийной системы были апробированы на практике в середине 1920-х гг., когда на политическом олимпе закрепились две сменявшие друг друга у власти партии – Сэйюкай и Минсэйто. Сам избирательный закон 1925 года, гарантировавший каждой из них определенный минимум представительства в парламенте, явился результатом компромисса, основанного на понимании самоценности принципа смены власти.

Однако путь к двухпартийности оказывается гораздо более сложным и непредсказуемым, чем это можно было бы предположить. Опыт двух смен власти в 2009 и 2012 гг. показал, что историческая развилка оказалось пока не пройденной, а дорога остается открытой в равной степени как в направлении Вестминстерской системы британского образца, так и назад в сторону традиционалистской консенсусной демократии. При этом в японской политической системе пока сохраняются некоторые характерные черты, не позволяющие с уверенностью говорить о радужных перспективах становления двухпартийной системы.

¹³ Цит. по Асахи симбун. 17.08.2009.

Во-первых, между основными партиями, претендовавшими на роль системообразующих, – Либерально-демократической и Демократической – не сложился идеологический водораздел по принципиальным вопросам государственного управления, наличие которого дало бы основания разделить охарактеризовать одну из партий как «консервативную», а вторую как «либеральную». Вообще идеология консерватизма в Японии имеет несколько иную идеологическую составляющую, чем этот определено нормативной теорией, и вряд ли может служить основной для программно-идеологической классификации партийно-политического пространства страны. В целом партии мало чем отличались друг от друга в программном отношении.

Японский историк Банно Дзюндзи провел сравнительный анализ довоенной партийной ситуации и ситуации, сложившейся в Японии в конце 2000-х гг. Вывод японского политолога однозначен: если до войны можно было провести разграничение двух крупнейших партий страны по идеологическому признаку (Сэйюкай выступала, скорее, консервативной политической силой, а Минсэйто – либеральной), то в настоящее время это оказывается невозможным – как ЛДП, так и ДПЯ представляют собой партии консервативного плана¹⁴.

Особенно это бросается в глаза применительно к внешнеполитической повестке дня. Манифесты ДПЯ и ЛДП, касающиеся Договора безопасности, азиатской интеграции, вопросов потепления климата, угрозы распространения ядерного оружия и иных «новых угроз» не имеют никаких принципиальных различий. Сходство между ними наблюдается и по многим вопросам финансовой, налоговой и экономической политики. Единственным исключением является подход к социальным функциям государства: если ЛДП придерживается теории минимизации социальных обязательств государства, то ДПЯ выступает в поддержку идеи «государства социального благоденствия», опробованной в странах Северной Европы. В этих условиях политически мотивированному избирателю оказывается труднее сделать сознательный выбор, основанный на идеологических, а не личностных предпочтениях, а партиям – сложнее сформировать когорту «твердых голосов», являющуюся важным атрибутом двухпартийной системы. Как отмечал японский политолог Дз. Ямагути, в ситуации, когда в рамках одной партии сосуществуют противоположные позиции (проводится пример с вопросом о развитии атомной энергетики), «выбор избирателем партии не означает выбора политического курса»¹⁵.

Во-вторых, политическая практика по-прежнему показывает отсутствие традиций преданности депутатов партийному знамени (помимо

¹⁴ Банно Дзюндзи. Нихон сэйдзи «сиппай»-но кэнкю (Исследование провалов японской политики). Токио, 2010. С. 263.

¹⁵ Ямагути Дзиро. Сэйкэн котай то ва нан датта но ка (Что принесла с собой смена власти?). Токио, 2012. С. 236.

случаев, касающихся КПЯ). Как и раньше, депутаты с легкостью «перекочевывают» в лагерь соперников, если чувствуют для себя личную выгоду, как это было продемонстрировано многими депутатами ЛДП в период ее пребывания в оппозиции. Препятствует политической поляризации также готовность этих партий вступать в конъюнктурных интересах в самые противоестественные коалиции, а зачастую и жертвовать своими базовыми принципами.

В-третьих, против становления двухпартийности работают и особенности японской парламентской системы, в частности, наличие у нее такой существенной характеристики, как «вязкость». Эта система предоставляет оппозиции реальные возможности для воздействия на процесс принятия законодательных решений. К числу составляющих ее механизмов относятся, в частности, наличие в парламенте верхней палаты, имеющей практические равные права с нижней, и системы парламентских комиссий; ограниченность продолжительности сессии, невозможность ее неограниченного продления, а также перенесения отдельных пунктов повестки дня сессии с предыдущей на последующую; наконец, соблюдение традиций консенсуса при решении вопросов регламента. Все это дает «партии меньшинства» дополнительные рычаги воздействия на законодательный процесс, что способствует большему учету ее мнения в принимаемых парламентом решениях.

Основная часть факторов «вязкости» вытекает из нормативных и юридических особенностей законодательного процесса. Однако не следует забывать и об особенностях политической культуры и национальной психологии японцев, отличительной чертой которой является особая роль непубличных методов разрешения конфликтов. В «вязком» парламенте правящей партии гораздо труднее реализовать свою стратегию, которая бы встречала принципиальные возражения со стороны меньшинства. В результате партиям оказывается труднее сохранять свою программно-политическую идентичность, которая лежит в основе любой двухпартийной системы.

Дополнительную трудность для двухпартийности представляет и ситуация с «перекрученным парламентом», когда палаты парламента контролируют оппонирующие друг другу политические силы. Высокий деструктивный потенциал подобной конструкции для законодательного процесса был наглядно продемонстрирован и в 2007–2009 гг., когда верхнюю палату контролировала Демократическая партия, а нижнюю – ЛДП, и в 2010 – 2012 гг., когда ситуация поменялась на обратную. Периодические сбои в деле принятия ключевых законов несколько раз порождали острый политический кризис и заставляли уйти в отставку кабинеты как ЛДП, так и ДПЯ.

Безусловно, наличие у правящей коалиции квалифицированного большинства в нижней палате, позволявшего ей преодолевать вето

верхней палаты по обычным законопроектам и игнорировать ее мнение по бюджетным вопросам, в какой-то степени сглаживает проблему «перекрученного парламента». Однако в любом случае, в политической практике «вязкого» парламента в соответствии с японской политической традицией непропорционально большую роль играют такие методы урегулирования, как закулисные переговоры, торги, силовые игры и иные непубличные формы парламентской деятельности, которые идут вразрез с идеей двухпартийности.

Высокая степень волатильности партийно-политической системы, определяемая неустойчивостью межпартийного баланса сил в парламенте, идеологической размытостью программных установок партий, калейдоскопичностью смены кабинетов и их лидеров, неустойчивостью политических коалиций, – все это таит в себе перманентную угрозу становлению двухпартийности.

Нерешенным остается вопрос о том, останется ли ДПЯ «второй партией» в двухпартийной системе. Будущее этой партии многим представляется туманным. Невыразительные итоги ее четырехлетнего правления оттолкнули от демократов даже тех избирателей, которые мало интересуются политикой: стойкое нежелание голосовать за ДПЯ преобладало в общественных настроениях даже через полгода после ее ухода в оппозицию. У многих вызывает сомнение, сможет ли партия составить ЛДП сильную конкуренцию под прежним брендом даже через три года, когда страна вступит в новую полосу общенациональных выборов – слишком сильно разочарование, слишком многое ассоциируется у многих граждан с невыполненными обещаниями и несбывшимися надеждами. Поэтому на повестку дня, по мнению некоторых экспертов, выходит вопрос о роспуске ДПЯ и формировании новой партии, которая смогла бы составить костяк нового «второго полюса».

Не все благополучно и у Общества реставрации. Бум популярности ее лидера Т. Хасимото сменился «отрезвлением» – теперь эта фамилия прочно ассоциируется у многих избирателей, и в первую очередь женщин, с бестактными высказываниями по поводу «женщин комфорта». Избавиться от этого имиджа теперь Т. Хасимото будет весьма непросто. Не слишком оптимистично выглядят и перспективы Партии всех. Партия на протяжении нескольких выборов подряд теряла поддержку избирателей. В партии ширятся настроения в пользу создания новой оппозиционной партии, костяк которой составили бы депутаты неоконсервативных взглядов (выразителем подобных взглядов считают генсека партии Кэндзи Эда).

Однако объединения с запятнавшим себя Обществом реставрации никто особенно не желает. Скорее, речь может идти о формировании новой партии путем объединения на идейной основе депутатов консервативной ориентации из ДПЯ, Общества реставрации и Партии всех.

При этом новая партия, чтобы избежать ненужных ассоциаций и уйти от дискредитировавшего себя бренда ДПЯ, вызывающего стойкое неприятие у многих избирателей, должна была бы иметь новое название и не считать себя преемником одной из трех указанных партий.

Однако возникает вопрос, способная ли новая неоконсервативная сила, тем более созданная на идейной основе, стать «вторым полюсом» в формирующейся политической конфигурации? И какую политическую манифестацию получают социал-демократические взгляды, достаточно широко представленные в электоральной среде? Следует учесть также, что подобная новая партия должна будет дистанцироваться от Рэнго, составляющей материнскую структуру нынешней ДПЯ, поскольку в отношении этого профсоюзного объединения в Обществе реставрации и Партии всех преобладает конфронтационный настрой.

Пищу для сомнения в действенности сценария, по которому основу двухпартийной системы составят две консервативные силы, дает и исторический опыт: созданная в качестве альтернативы ЛДП в 1996 г. Партия новых рубежей так и не оправдала надежд, распавшись уже через год с лишним. Между тем ДПЯ, стартовавшая как партия социал-демократической ориентации, оказалась гораздо более жизнеспособным проектом – уже через несколько лет она стала составлять ЛДП реальную конкуренцию.

Еще одну возможность с точки зрения формирования «второго полюса» в процессе реформирования политического пространства имеет перспектива создания новой партии социал-демократического типа, аналогичной социал-демократическим партиям Западной Европы. Подобная социал-демократическая партия может возникнуть только после раскола ДПЯ и ухода из нее правоцентристов. В нее вошли бы в этом случае депутаты левого и левоцентристского течения ДПЯ, вышедшего из СПЯ и ПДС, остатки Социал-демократической партии и иные левые силы некоммунистического толка. Скорее всего, эта партия сможет возникнуть под новым именем, опять-таки чтобы не создавать ненужных ассоциаций. Такая партия в центр своей программы поставила бы социально ориентированные лозунги – достижение социальной справедливости, обеспечение социальной однородности общества и проч.

В реальности формирование новой неоконсервативной и социал-демократической партий может происходить фактически одновременно, приводя к появлению не одной крупной, а двух средних партий, разделенных по программно-идеологическому принципу.

В этой связи актуальным представляется второй сценарий развития партийно-политической системы – появление политической модели с одной доминантной партией в центре и нескольких «средних» («малых») партий. О реальности этого сценария заставляет задуматься ситуация в парламенте после выборов 2012–2013 гг., когда конфигурацию «две крупных – одна средняя – несколько малых партий» сменила конфигу-

рация «одна крупная – три средних партий». В связи с лавинообразным характером смены власти многие задались вопросом, не будет ли возвращение ЛДП к браздам правления сопровождаться полномасштабным воссозданием «системы 1955 года», включая пресловутую партийно-политическую «плюралистическую» систему принятия решений.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что в прежнем виде феномен доминантной партии не возродится, хотя какие-то элементы старой политической модели, бесспорно, имеют шанс быть реанимированными. Это связано прежде всего с тем, что ситуация конца 2012 года коренным образом отличается от биполярной эпохи. «Система 1955 года» была ответом на специфические потребности организации власти, характерные для эпохи «холодной войны» 1950-х гг., в частности, необходимость не допустить к власти левые силы и маргинализировать оппозицию, заставившую партии консервативной ориентации забыть о своих противоречиях и объединиться. Во внешнеполитической плоскости полупартийность биполярной эпохи отражала идеологический выбор между ориентацией на капиталистическую систему во главе с США и на страны социалистического блока, возглавлявшимися СССР. Наконец, в экономической сфере феномен доминантной партии как никто лучше отвечал на специфические потребности мобилизационной экономической модели, в которой первую скрипку играла бюрократия, а политическая власть выполняла, скорее, декоративные функции. Монопольное правление доминантной суперпартии компенсировалось фактическим отсутствием в ней единоначалия и сохранением в ее рядах дееспособной фракционной системы, хорошо адаптировавшейся к избирательной модели «средних кругов».

Безусловно, все внешние и внутренние предпосылки формирования «системы 1955 года» уже канули в лету. Ушел в прошлое феномен «перераспределенческой политики», существовавший в условиях сверхприбылей от экспорта готовой продукции. Закончилась «холодная война», а с ней – и идейное разграничение политических партий по внешнеполитическим вопросам. Политическая реформа покончила с системой «средних кругов» и ввела мажоритарный принцип, который, как показала практика, с большей вероятностью обеспечивает резкую смену власти.

В политической элите Японии ширится понимание того, что в реалиях современного мира политическая власть должна выполнять качественно иные функции, чем это было несколько десятилетий назад. Роль правящей партии заключается в реализации некоей политической линии, которая получает электоральную поддержку в ходе борьбы с альтернативными программами стратегического развития. С этой точки зрения модель доминантной партии, неспособная обеспечить многовариантность путей общественного развития, не имеет для Японии значительных перспектив.

Не стоило бы переоценивать шансы реализации сценария появления новой «системы 1955 года» и с той точки зрения, что в ЛДП уже не действует фракционная система составлявшая ее организационно-кадровый костяк. В рамках японской политической традиции суперпартия может существовать только при наличии действенных механизмов смены партийного имиджа, которые обеспечивала фракционная система. К тому же если раньше избиратель был персонально ориентированным, что позволяло ЛДП держаться долго у власти, так как провалы и неудачи ассоциировались с отдельными политиками и не «приставали» к партии в целом, то в нынешней ситуации (последние два десятилетия) избиратель голосует именно за партию. Поэтому если не все идет, как хотелось бы, вина больше возлагается на партию. Это подтверждают и опросы общественного мнения: уровень поддержки правящей партии с завидной регулярностью катастрофически падает уже в первые полгода после прихода ее к власти. Такая ситуация порождает перманентный спрос на новую и «свежую» политическую силу, что создает дополнительные возможности для переформатирования политического пространства.

В этой связи появляется третий сценарий – коалиционное правление «лоскутного типа». Его актуализации способствовала высокая степень волатильности партийно-политической системы биполярной эпохи. Партии переживают период рождений и исчезновений, расколов, слияний, новых союзов и коалиций, порой кажущихся на первый взгляд противоестественными. Некоторые партии, без которых трудно представить развитие партийно-политической системы биполярного периода, деградировали, превратившись в маргинальную политическую силу (как это случилось с социалистами). В то же время в конце XX века в лице Демократической партии Японии появилась амбициозная политическая сила, способная, как показали дальнейшие события, бросить вызов господству либерал-демократов.

Вернувшись в 1996 г. к власти, либерал-демократы уже не смогли обходиться без партнеров по коалиции – сначала это были социалисты и партия Сакигаэ, затем Либеральная партия и, наконец, Комэйто. С самого начала своего правления коалиция была вынуждена формировать и Демократическая партия, вступившая в союз с СДП и Новой народной партией. Коалиционное правление заставляет правящую партию зачастую существенно корректировать практическую политику правительства в направлении, более приемлемом для партий-партнеров. Например, ДПЯ, учитывая позицию социал-демократов, входивших в коалицию, в 2009–2010 гг. была вынуждена отказаться от попыток отменить ограничений на экспорт вооружений в связи с японо-американскими совместными разработками противоракетной обороны.

Коалиционное правление может быть реализовано в нескольких вариациях: «большая коалиция» двух крупных партий, коалиция одной

крупной и одной или нескольких некрупных партий (как это видно на примере ЛДП и Комэйто) и, наконец, пестрая коалиция малых и средних партий с невыраженным лидерством, противостоящая одной (или нескольким) крупным партиям. В любом из этих случаев, кроме первого – наименее вероятного – ключевую роль играют малые и средние политические партии.

Проблема коалиционных правительств актуализировала значение малых партий в политической жизни Японии. Бум малых партий связан с тенденциями в электоральном поведении японцев, которые регулярно демонстрируют разочарование в системных партиях. С момента раскола ЛДП в 1993 г. на политическом пространстве Японии действовало свыше тридцати партий, которые имели депутатов в парламенте. Именно в руках малых и средних партий – например, Общества реставрации, Комэйто, Партии всех и даже партии Зеленый ветер, имеющих собственные фракции в составе парламента образца 2013 года, зачастую находится ключ к решению политических кризисов, периодически потрясающих Японию. Особенно поддержка малых партий оказывается критичной в условиях «перекрученного парламента», когда правительству для преодоления вето верхней палаты требуется большинство в две трети в нижней.

На руку малым партиям играют и особенности избирательной системы. Им, в частности, помогает наличие в обеих палатах крупного блока мест, выборы в который также проходят на основе принципа пропорционального представительства (по партийным спискам). В таких округах относительно маргинальные политические силы, неспособные конкурировать с системными партиями в мажоритарных округах, имеют гораздо больше шансов на прохождение в парламент. Благоприятным для малых партий фактором является также тот факт, что сроки выборов в верхнюю палату не совпадают с выборами в нижнюю – в случае одновременного проведения выборов в обе палаты они, безусловно, оказались бы в существенно менее выигрышном положении, нежели крупные партии, имеющие достаточный финансовый и кадрово-организационный потенциал для того, чтобы сконцентрироваться сразу на двух участках работы.

Безусловно, трудно отрицать, что в перспективе малые партии сохраняют свою, во многих случаях, существенную роль в политических процессах Японии. Малые партии, безусловно, будут и впредь возникать из осколков «системных» партий, объединяться между собой и с крупными партиями, самораспускаться. Им на руку играет рост популизма в политике, заставляющего амбициозных политических деятелей, по какой-то причине неудовлетворенных своим положением в «системной партии», решительно порывать с ней, организуя собственную партию. Так это было с бывшими либерал-демократами, ставшими лидерами

собственных партий – Ё. Масудзэ, главой Новой партии Реформа (*Синто Кайкаку*), Т. Хиранума, председателем партии «Вставай, Япония!» (*Татаи-агаэ Ниппон*), Ё. Ватанабэ – лидером Партии всех.

В реальности в политическом мире действуют несколько разнонаправленных тенденций, имеющих непосредственное отношение к проблеме коалиционного правления. С одной стороны, эффект волатилизации партийно-политического пространства не способствует консолидации политических сил и генерирует феномен малых партий как форму манифестации протестных настроений меньшинств. С этой точки зрения малые партии» второго десятилетия XXI века наконец-то начинают выполнять изначальную функцию политических партий как политического института.

Однако, с другой стороны, налицо и центристская тенденция, артикулированная в форме эффекта поляризации. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в ходе общенациональных выборов 2012–2013 гг., которые наглядно продемонстрировали, что выжить по действующим правилам реальную возможность имеют лишь достаточно крупные политические партии. Фактически речь идет о двух или трех «системных» партиях, которые способны составить друг другу политическую альтернативу на всех избирательных округах страны. Прочие же партии могут рассматриваться, скорее, в качестве потенциальных кандидатов для формирования коалиций с одной из двух крупнейших партий. Таким образом, эффект поляризации заставляет любые партии «третьего», «четвертого» и иных полюсов тяготеть к одной из двух главных сил.

Эффекту поляризации способствует и большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для малых партий. В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не происходило и политической институализации интересов таких меньшинств. К тому же японское общество относительно гомогенно в экономическом отношении, его основу составляет сильный средний класс, а противоречия между трудом и капиталом не носят непримиримого характера.

Свой вклад в процесс поляризации партийно-политического пространства вносит также то, что японские избиратели, имеющие более протекционистски ориентированный, чем в других странах, тип сознания, склонны поддерживать в первую очередь те партии, которые имеют реальную перспективу прихода к власти. Как уже отмечалось, в общественном сознании сложился стереотип, согласно которому вхождение во власть представляет собой высшую цель политических партий, ради которой они могут даже пожертвовать своими идейными принципами. С этой точки зрения партии «третьего полюса» сохраняют

свой потенциал в первую очередь как политические акторы, обеспечивающие после своего вхождения во власть корректировку курса правящей коалиции в направлении лучшего учета позиции партикуляристских интересов отдельных социальных групп и слоев. Типичным примером с этой точки зрения выступает давний союзник ЛДП партия Комэйто, которого многие рассматривают в качестве «пацифистского крыла» ЛДП.

Однако возможен и вариант, при котором реального реформирования не произойдет, тем более что для этого требуются большие организационные и финансовые усилия. Ясно, что действующие на политической арене страны партии оппозиции показали на прошедших выборах максимально возможный для себя результат. Поэтому модель «одна крупная – несколько средних партий» может существовать достаточно долго. Однако сохранение ДПЯ в своем нынешнем виде дает дополнительный шанс для коммунистов. В отсутствие левоцентристской партии с внятной политической платформой многие избиратели проголосовали бы за КПЯ, если бы та отошла от многих радикальных положений и перешла на умеренные позиции по вопросам безопасности и внешней политики, сосредоточившись на социально ориентированных проблемах.

Конец эпохи «седых революционеров»

П. А. Павленко

Выборы в палату представителей в декабре 2012 года ознаменовали уход с авансцены японской политики нового поколения политических деятелей, которые взойшли на нее в результате событий 1993–94 годов. Статья посвящена изучению процесса формирования этого поколения «седых революционеров», путей его развития и итогов деятельности в политике в течение 20 лет.

Ключевые слова: палата представителей, Либерально-демократическая партия, Демократическая партия Японии (ДПЯ), политическая система Японии, фракции, смена поколений, выборы 2012 года.

Выборы в палату представителей в декабре 2012 г. ознаменовали уход с авансцены японской политики целого поколения политических деятелей, которые не сходили с нее в течение последних 20 лет, во многом определяя пути развития страны. Бросившие вызов многолетнему правлению Либерально-демократической партии и пришедшие к власти в 1993–1994 гг. тогда 40-летние и 50-летние политические деятели прошли с тех пор длинный путь борьбы и уже в преклонном возрасте вернулись к власти в 2009 г. Представляет интерес проследить процесс формирования этого поколения «седых революционеров», пути его развития и итоги деятельности в политике в течение 20 лет.

Либерально-демократическая партия Японии (ЛДП) правила страной безраздельно с 1955 до 1993 гг. К началу 1990-х гг. в Японии сложились предпосылки для кризиса послевоенной модели политической системы. Существенная часть элиты видела выход в ее трансформации в двухпартийную по образцу стран Запада, с тем, чтобы освободиться от пороков однопартийного правления ЛДП. В 1993 г. под воздействием острого недовольства в обществе тяжелым экономическим положением после краха экономики «мыльного пузыря», отсутствием политических реформ, постоянными коррупционными скандалами с министрами от ЛДП и острой фракционной борьбой в правящей партии в стране разразился глубокий внутривластный кризис. Оппозиция вынесла вотум недоверия правительству К. Миядзава, который прошел благодаря поддержке части депутатов от ЛДП, и парламент был распущен.

На волне этих событий в июне 1993 г. из ЛДП вышла фракция Одава Итиро (род. 1942), к тому времени утратившего перспективы победы в борьбе за власть внутри партии. Этот амбициозный деятель поднялся при поддержке Н. Такэсита, бывшего в 1987–1989 г. премьер-министром. В 1989 г. в невероятно молодом для Японии 47-летнем